

Эрскин Колдуэлл

Рассказы

ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

Перевод с английского Н. Дарузес

Когда Уолдо Мердок, от скуки занимавшийся иногда фотографией, неожиданно получил наследство, то взволновался весь Брайтон; такого волнения город не знал уже лет десять, с тех пор как один из братьев Перкинс без всякого предупреждения взял да и увез среди бела дня жену местного священника.

Что касается горожан, то никому из них, даже тетке Сузи Шук, которая гадала на чайных листьях, а ежели понадобится, то и на кофейной гуще, и во сне не снилось, что супохарому Уолдо Мердоку могут свалиться на голову этикие шальные деньги, хотя шутники, конечно, тут же придумали, что если бы он не сидел сиднем, а бегал бы по делам, то и деньги не угодили бы ему на голову. И, разумеется, сам Уолдо даже в мечтах не заходил так далеко, хотя был охотник пофантазировать и мечтал решительно обо всем на свете.

Уолдо не знал даже, что у него имеется брат в Австралии, да хотя бы и знал, он все же не мог бы себе представить, что будет упомянут в завещании. Все Мердоки от Бангора до Берлингтона, особенно коренная ветвь семейства, славились во всей области к северу от Бостона тем, что не признавали родства друг с другом, и эта черта характера среди свойственников и других чужаков в семье именовалась норовом. И потому единственное, к чему Уолдо мог себя принудить, отбросив в сторону закоренелую гордость, это признать свое родство с другим Мердоком, хотя бы и австралийским, — на время, пока он съездит в Уотервильский банк и получит там деньги по чеку, выданному юристом из Портленда.

— Мало ли что говорят, а вы не обращайтесь внимания, — сказал он служащему в банке. — Может, найдутся в штате Мэн и еще люди с фамилией Мердок, только я-то с ними ни в каком родстве состоять не желаю. Да я скорее признаю родней свою черную корову, чем кого-нибудь из так называемых Мердоков.

Десси, жена Уолдо, сначала вела себя разумней всех. Хотя бы первое время голова у нее не закружилась, не то что у мужа и некоторых других горожан. Она даже не поехала с Уолдо в город получать по чеку деньги, а осталась дома и занялась уборкой, хотя после и жалела об этом. В одном только она отступила от обычного порядка в то утро — велела работнице Джустине проветрить гостиную и вытрясти половики.

Все это время соседки то и дело звонили ей по телефону и спрашивали, что она собирается делать с такой кучей денег. Но и это вначале не нарушало спокойного хода ее мыслей.

* Из книги Erskine Caldwell, The Complete Stories, New York — Boston, 1954.

— Вот когда заплатят по чеку, если он не фальшивый, что очень даже может быть, тогда можно будет бросить все дела и подумать об этом, — говорила она им. — Пока что это всего-навсего клочок бумаги, мало ли что на нем написано.

Каждый раз, окончив разговор по телефону, Десси бралась за уборку, поджав губы крепче прежнего. Не то чтоб она сердилась, говорила она Джустине, а просто это ее раздражало. Но после того, как Уолдо не явился в полдень к обеду, она и сама начала думать, что можно было бы сделать на эти деньги, не отставая от прочих жителей Брайтона, которых с ума сводило свалившееся на Уолдо наследство.

Под вечер приехал Уолдо на машине и бросил ее посреди двора, вместо того чтобы поставить в гараж, как полагается. Джустина побежала сказать об этом хозяйке.

У Десси к этому времени так разошлись нервы, что она даже подскочила на месте, когда Джустина вбежала к ней в комнату.

— Мистер Мердок вернулся! — крикнула Джустина, ломая пальцы.

— Еще бы ему не вернуться! — ответила Десси. — Если б он и сейчас не вернулся, то пусть себе и впредь разъезжает сколько хочет.

— Думается, мистер Мердок получил деньги, — сказала Джустина, оглядываясь через плечо. — Когда он вылезал из машины, вид у него был уж очень довольный.

Десси вскочила на ноги.

— Ступай занимайся своим делом, Джустина, — сказала она сердито. — Получил или не получил, твоих денег там нет, это уж во всяком случае.

Джустина отправилась на кухню и оттуда следила, как Уолдо идет по дорожке к боковой двери.

Он вошел и бросил шляпу на стол. Наклонив немножко голову набок, он посмотрел на Десси. Карман его пальто сильно оттопыривался.

И Десси и Уолдо некоторое время молчали. Потом Десси подошла к мужу и протянула руку.

— Возьму-ка я их к себе пока что, — сказала она сухо. — Давай сюда!

Уолдо сунул руку в карман, достал оттуда почти пустую бутылку и отдал ее жене. Она отступила назад, сурово глядя на бутылку, потом, не говоря ни слова, схватила бутылку за горлышко и изо всех сил швырнула ее через комнату. Бутылка ударилась об стену и разлетелась вдребезги.

— Могла бы я это знать, да и знала бы, будь у меня столько мозгов, сколько у других, — сказала она, повысив голос. — Некого и винить, кроме самой себя!

Уолдо плюхнулся на стул.

— Не из-за чего так расстраиваться, Десси, — сказал он. — Все шло отлично, как по маслу, с самого начала и до самого конца.

Он сунул руку в карман брюк и вынул толстую пачку долларов, туго перевязанную посредине крепким шпагатом. Десси забыла и сердиться, как только увидела деньги. Морщины у нее на лице совсем разгладились при виде того, как Уолдо покачивает на ладони толстую пачку долларов.

— Одно могу сказать, — начала она, — вот уж не думала дожить до такого дня, чтобы у какого-нибудь Мердока хватило совести поступить с деньгами, как полагается порядочному человеку; и то уж удивительно, как это он не забрал их с собой. Небось, и пробовал, да не вышло.

Уолдо откинулся на спинку стула и дал жене говорить, сколько ее душеньке угодно. Ему самому было так хорошо, что он и ей тоже хотел

дать порадоваться. Он позволил ей плести все, что в голову взбредет, не сказав худого слова.

— Нет ли у тебя еще близких родственников, о которых мы позабыли? — спросила она, наклоняясь к мужу. — Мне помнится, будто твой троюродный брат из Скаухегана говорил несколько лет тому назад, что один из Мердоков после испано-американской войны уехал в Калифорнию добывать золото. Может, он там напал на богатую жилу. Я читала, что многим там повезло, если только можно верить печатному. Будь мы повнимательнее к твоим родным, не пришлось бы нам теперь сидеть да ломать голову, припоминая их всех.

— У меня нет близких родственников по фамилии Мердок, — твердо ответил он.

Десси глубоко вздохнула и с тоской поглядела на толстую пачку долларов, качающуюся вверх и вниз вместе с рукой мужа.

Вдруг она нагнулась вперед и судорожно вцепилась в пачку.

Уолдо вырвал у нее деньги.

— Надо бы нам подумать, что с ними делать, — сказала она.

— Это деньги Мердоков, жена, — быстро нашелся он. — Мердок их наживал, Мердок и проживать будет.

Десси выпрямилась с решительным видом.

— Ну, во всяком случае, мы будем тратить с умом, — сказала она успокоившись. — Не станем швырять деньги на пустяки, как многие другие; я бы могла их назвать, если б захотела.

— У меня все это уже решено, Десси, — ответил он, улыбаясь в приливе добрых чувств. — Думаю, мы можем себе позволить пожить в свое удовольствие на старости лет. Может, мы и вообще долго не проживем, так смешно было бы экономить; надо тратить вовсю, пока мы живы. Никакого нет смысла копить деньги для того только, чтобы оставить кому-то другому после нашей смерти.

Десси одобритительно кивнула, снова воспрянув духом.

— Мне всегда хотелось меховую горжетку, Уолдо, — сказала она, просияв надеждой.

В ту ночь Десси не уснула ни на минутку. Целый час после того, как они легли спать, она лежала молча, напряженно прислушиваясь. Уолдо ни разу не пошевелился. Он тоже лежал молча, прислушиваясь к притворному сопению Десси.

Перед самой полночью Десси поднялась как можно тише и на цыпочках направилась к стулу, где на спинке висели штаны Уолдо. В комнате было темно от закрытых ставен, и она пробиралась к стулу ощупью, очень осторожно. Ее бросило в дрожь, когда она наткнулась на стул, а дышать ей было так трудно, что делалось больно в груди. Не теряя даром времени, она сунула руку в карман штанов.

— Десси, нечего шарить по моим карманам, — сказал Уолдо, садясь в кровати. — Не трогай этих денег.

Десси выронила штаны, даже не прикоснувшись к деньгам, и, не говоря ни слова, пошла к кровати. Ни тот, ни другая не промолвили ни слова, пока она укладывалась, стараясь устроиться поудобнее на весь остаток ночи. После этого оба они лежали молча, глядя в темноту.

Как только появились первые проблески рассвета, Десси осторожно слезла с кровати и на четвереньках поползла к стулу. Но только она поднялась было, чтобы схватить штаны, как Уолдо сел в кровати и выпрямился.

— Неужели надо повторять, чтобы ты не шарила по моим карманам, — сказал он. — Не трогай этих денег, Десси.

Десси выпустила штаны из рук и подошла к окну. Она постояла там, глядя, как разгорается красная заря на востоке, потом начала одеваться

и, выходя из комнаты, услышала, что Джустина растапливает на кухне плиту.

Пока они с Джестиной готовили завтрак, Десси начала понимать, что богатство не даст ей покоя. Она всю ночь не спала из-за этих денег, а теперь боялась, что ни единого пенни ей не придется истратить на себя.

— Миссис Мердок, — сказала Джустина, подходя и становясь рядом с ней, — мы с Карлом могли бы хоть сию минуту пожениться, если бы у нас были деньги на обстановку.

— Пускай Карл Френд сам наживает себе деньги, — резко сказала Десси, повернувшись к девушке. — Мы с мужем всю жизнь работали ради того, что имеем. Ничего Карлу не сделается, пускай поработает для тебя, если хочет иметь семью.

— Мне плохо спалось ночью, я все думала, неужто вы с мистером Мердоком не захотите мне помочь, — упорствовала Джустина. — Главное потому, что я шесть лет на вас работала и ничего не просила. Вот я и подумала, может, вам не жалко будет уделить мне немножко из этого большого австралийского наследства.

— Занимайся своим делом, Джустина! — прикрикнула Десси. — А кроме того, Карл Френд может взять деньги у своих родных, если хочет покупать тебе мебель. Эти Френды в былые времена много нажили на кровельных работах.

— Они нам не помогут, миссис Мердок, — угрюмо сказала Джустина. — А нам с Карлом неохота все ждать да ждать без конца.

— Но тебе ведь незачем торопиться со свадьбой, правда? — подозрительно спросила Десси.

Джустина молча смотрела на хозяйку; голова у нее пошла кругом.

— Не так чтобы очень, — созналась она под конец.

— Ну ладно, — сказала Десси, отвернувшись. — В таком случае можешь и подождать.

Круто повернувшись, она чуть не наскочила на Уолдо, который вошел в кухню и направился к кладовой. Десси уступила ему дорогу и молча наблюдала, как он шарил в кладовке, снимая с полки пустые жестянки. Он отыскал жестянку из-под кофе, опять прошел через кухню и вышел из дома. Все это не говоря ни слова. Десси глядела ему вслед, не понимая, что такое он собирается делать. Подойдя к окну, она увидела, что Уолдо зашел под навес и сейчас же вышел оттуда, неся лопату. С жестянкой в руке и с лопатой на плече он скрылся за сараем.

Прошло минут десять, не меньше, пока Десси сообразила, что именно он делает за сараем.

Только она собралась открыть дверь и выбежать во двор последить за ним из-за угла сарая, как появился Уолдо. Он шел к дому, держа лопату на плече, но жестянки с ним уже не было. Сердце у Десси упало. Он зарыл жестянку — и деньги вместе с ней, а Десси так и не успела выбежать во-время и подсмотреть, где спрятано сокровище. Она вернулась в кухню и подала завтрак на стол.

Через несколько минут вернулся Уолдо, вымыл руки над раковиной и сел на свое место. Он принялся за еду так, будто за сараем не произошло ничего особенного. Все двадцать минут, пока они сидели за столом, ни она, ни Уолдо не нашли о чем поговорить друг с другом. Покончив с едой, он встал и надел шляпу.

— У меня кое-какие дела в городе, — сказал он кратко. — Пробуду там до обеда, раньше не вернусь.

Десси кивнула. Чтобы скрыть свое нетерпение, она крепко сжала руки. Дождавшись, пока Уолдо скроется из вида, она схватила Джустину за плечо и протолкнула ее в дверь.

Толкая Джустину перед собой, она побежала под навес, выхватила оттуда две лопаты и со всех ног бросилась за сарай.

Она велела Джустине копать, не медля ни минуты, а сама стала внимательно разглядывать землю в надежде найти следы свежезарытой ямы. Она искала почти полчаса, но не могла найти никаких признаков ямы, которую, как она была уверена, вырыл Уолдо, а потом и сама, взявшись за лопату, стала усердно перекапывать землю.

Через несколько часов Джустина повалилась на землю, совершенно выбившись из сил. Десси тоже устала, а от волдырей на ладонях копать было так больно, что она едва могла держать лопату. Но все-таки она заставила себя продолжать работу, позволив Джустине отдохнуть несколько минут.

— Надо копать, Джустина, вставай, — выговорила она, запыхавшись, не в силах больше глядеть, как та лодырничает.

Джустина через силу поднялась на ноги и вонзила лопату в твердую, как камень, землю. Она хотела было попросить у Десси, чтобы та позволила ей отдохнуть еще немножко, но, увидев поджатые губы Десси, поняла, что просить не стоит.

Десси выпрямилась на минуту, чтобы дать отдых спине. Подняв глаза, она увидела Фреда Пакстона, который стоял, облокотившись на каменную стенку у дороги, шагов за сто от нее.

— На рыбную ловлю собрались, Десси? — спросил он. — Вижу, червей копаете.

Десси уперлась рукой в ноющую поясницу и осторожно выпрямилась еще немного.

— Отчего ж не собраться, — ответила она не сразу. — Не помню уж, когда я была на рыбной ловле.

— Теперь, когда у вас с Уолдо такая уйма денег на всякую роскошь, — сказал он, — вам с ним и делать больше нечего, как только рыбу ловить, коли есть охота.

— Может быть, — сказала она, поджав губы.

От одного упоминания о деньгах ее бросило в жар, так что все мысли у нее спутались. Нагнувшись, она изо всех сил вонзила лопату в каменную землю и упорно копала, пока Фред, по ее расчету, не успел скрыться из виду за холмом.

Позже Десси послала Джустину на кухню за хлебом и картофелем, оставшимся от завтрака, а когда Джустина вернулась, села на землю в тени сарая и наскоро перекусила.

— Пока я была в доме, звонил мистер Мердок и сказал, что к обеду он не вернется, — сообщила Джустина. — Он велел вам сказать, что и после обеда не вернется, до самого вечера.

Десси вскочила на ноги.

— Чего же ты мне сразу как пришла не сказала? — сердито спросила она.

Джустина уставилась глазами в каменную землю.

— Миссис Мердок, мы же не будем копать тут до самого вечера, ведь нет? — спросила она жалобно. — Руки у меня все в волдырях, да и...

— Не велика беда, — отрезала Десси. — Будем копать весь день, до самого вечера.

— Да ведь, миссис Мердок...

— Замолчи, Джустина, делай, что тебе говорят!

Десси еще никогда в жизни не чувствовала себя такой несчастной, как этим вечером, в сумерки, после того как добралась до кровати. Она целый день копала за сараем твердую, как камень, землю, а жестянки

из-под кофе не нашла. И поясница у нее так болела, будто совсем отнялась.

Упав на кровать, она осторожно вытянулась, укладываясь поудобнее. Джустина еще раньше ушла из дому с Карлом Френдом. А Уолдо все еще не возвращался. Десси так устала и чувствовала себя такой одинокой, что ей захотелось плакать. Слезы уже навертывались у нее на глаза, как вдруг зазвонил телефон. Она не двигалась, слушая, как он звонит несколько минут подряд, и все ждала, что он перестанет и ей можно будет поплакать.

Телефон все звонил, и казалось, что он никогда не перестанет. Она слезла с кровати, зажав уши, чтобы не слышать звонков, и, еле ковыляя, добрела до прихожей. Там она села на стул возле аппарата и взяла трубку.

— Слушаю, — сказала она слабым голосом.

— Это говорит жена Уолдо Мердок? — загудел чей-то бас.

— Да, — ответила Десси, соображая, кто бы это мог быть.

— Так вы бы лучше побеспокоились, забрали бы Уолдо скорее домой, пока не поздно. Это говорит Чарлз Мейсон. Уолдо сейчас у меня. Никому в доме от него покоя нет, и, будь он демократ, я бы сам его застрелил, не стал бы заставлять его собственную жену с ним возиться. В жизни не видывал, чтобы человек вытворял такое. Ведь теперь это уж всему городу известно, а то бы я и повторять не стал, что шальные деньги ему в голову бросились. И все-таки это не резон так себя вести.

— А как же он себя ведет? — волнуясь крикнула Десси в телефон.

— Да сманивает мисс Уилсон, учительницу, что живет у меня, бежать с ним. Говорит, будто собирается уехать морем не то в Австралию, не то еще куда-то.

— Но как же он смеет! — возмутилась Десси.

— Вот это самое всякий трезвый человек скажет, ежели он в здравом уме, но только не знаю, что его остановит, если вы сию минуту не приедете и его не заберете. Ведь он уж уговорил мисс Уилсон бежать с ним в Бостон нынче ночью, а оттуда и дальше завтра утром, чуть свет. Он до того довел мисс Уилсон, что она всему верит, что бы он ни соврал. Кажется, должна бы остерегаться, ведь знает, что разбогател он без году неделя, так нет же, никаких резонов не слушает, до того дошла. Он то и дело вытаскивает толстую пачку долларов и размахивает у нее перед носом, а она, видя такое богатство, дуреет словно под хлороформом. И как я ни старался...

Десси крепко сжала трубку.

— Вы говорите, у него толстая пачка денег? — кричала она. — Пачка долларов, перевязанная посередине веревочкой?

— Ну да, миссис Мердок. Такой толстой пачки денег я ни у кого не видел с тех пор, как демократы пришли к власти.

Десси, которая успела встать со стула и стояла почти выпрямившись, решительно села обратно.

— Ну и пусть его! — холодно сказала она. — Больше я и знать его не хочу. Он меня заставил целый день копать твердую землю, искать кофейную жестянку с деньгами, а их, оказывается, там вовсе и не было. Пускай эта учительница берет его себе. Я уж с ним натерпелась, хватит с меня. Интересно посмотреть, сколько другая вытерпит. Шальные деньги всегда покажут, каков человек на самом деле; я очень рада, что узнала, наконец, Уолдо Мердока, поняла, что он за человек такой, и больше ни одним днем своей жизни для него жертвовать не намерена.

— Вы что же, не хотите ему мешать, пускай себе бежит на край света с мисс Уилсон?

— Да — торжественно сказала Десси. — Полная ему воля во всем с этих пор.

Она повесила трубку. И тут же бессильно рухнула на стул. Она несколько раз подряд кликала Джустину, потом вспомнила, что Джустина ушла из дому с Карлом Френдом.

После этого она поскорее оделась и опять взялась за телефон. Она позвонила своему адвокату Торнтону Бланшару и велела ему приехать немедленно. Он жил всего за несколько миль от Мердоков и обещал быть минут через пятнадцать.

Дождаясь Торнтона Бланшара, Десси ходила взад и вперед по прихожей с суровым и твердым выражением лица. Она уже решила, как поступить, и знала, что чем скорее начнет действовать, тем ей будет легче.

Через несколько минут Торнтон Бланшар въехал во двор и остановил машину перед домом. Десси вышла на крыльцо и распахнула двери настежь. Торнтон Бланшар быстро вошел в дом и направился прямо к столу посреди комнаты.

— Что-нибудь не в порядке, миссис Мердок? — тревожно спросил он.

— Сейчас да, только это ненадолго, — отвечала Десси, садясь к столу. — Надо только покончить с делом, которое я двадцать лет откладывала.

Бланшар тоже сел и, раскрыв портфель, достал блокнот из линованной желтой бумаги и карандаш. Глядя в лицо Десси, он приготовился слушать.

— Вы готовы? — спросила она.

— Да, миссис Мердок, — ответил он и поправил блокнот на столе.

— Я хочу развестись, — сказала она, — и канителиться не намерена. Скоро ли можно это сделать, или мне придется искать другого адвоката, получше?

Бланшар даже подскочил.

— Шутки в сторону, миссис Мердок, неужели вы хотите разводиться после того, как вы с мужем получили такое наследство? — недоверчиво спросил он.

— Да. Я ж вам сказала.

— Но почему?

— Мало ли почему, — ответила она. — Когда я иду в лавку и спрашиваю фунт сахара, я не обязана говорить продавцу, почему мне понадобился сахар, верно?

— Да, но...

— Ну, так и валяйте, разводите меня!

Бланшар нервно теребил свой блокнот. Потом он встряхнулся и взглянул на Десси.

— А имеются ли у вас основания, миссис Мердок? — осторожно спросил он.

— Конечно, основания имеются. Основания у меня такие, какие надо, да и сверх того наберется сколько угодно.

— На каких же основаниях мы начнем дело о разводе, миссис Мердок? — спросил он, нагибаясь над блокнотом и хватая карандаш.

— Норов, — ответила она, откидываясь на спинку стула.

Бланшар поднял глаза.

— То, что я сказала, — кивнула Десси. — Норов!

— Судье, который будет слушать дело, может не...

— Мне все равно, что там судья подумает, — возразила она. — Я сама развожусь, сама и основания для этого выбираю, нравятся они судье или нет.

Бланшар, глубоко задумавшись, постукивал карандашом по столу.

— Миссис Мердок, — сказал он наконец, — не сообщите ли вы мне

по секрету как вашему доверенному, какие же у вас все-таки причины для ссоры?

— Уолдо Мердок меня обманул,— сердито начала Десси, обрадовавшись случаю поговорить о своих несчастьях.— Взял да и прикинулся, будто хочет закопать кофейную жестянку с наследством за сараем, а сам не закопал, а потом уехал и пропал целый день, пока я тут ломала себе спину, да и Джустина тоже, копая жесткую землю из-за этих денег.

Бланшар медленно провел по лицу ладонью. После этого он откинулся на спинку стула и по профессиональной привычке уставился в потолок. Он изо всех сил сдерживался, чтобы сгоряча не сказать что-нибудь необдуманное.

— Я и алименты хочу получить,— настаивала Десси.— Все, сколько есть.

Бланшар выпрямился.

— То есть как это — «все, сколько есть»?

— Все наследство, само собой,— ответила она.

Бланшар некоторое время молчал и пристально разглядывал блокнот, словно изучая фактуру бумаги. Потом, сделав несколько глубоких вдохов для укрепления сил, он взглянул на Десси.

— Это будет трудно, если не совсем невозможно,— сказал он внушительно.— Прямо вам говорю, трудно, миссис Мердок.

— Это уж ваше дело,— сказала Десси.— Мне тоже хлеб не даром достается.

Бланшар выпустил воздух из легких и начал сызнава.

— Во-первых, миссис Мердок, у нас в штате нет закона насчет общности имущества.— Он откинулся на спинку стула, катая карандаш между ладонями.— Естественным, таким образом, совершенно исключается всякая возможность раздела имущества по закону, каких бы размеров ни достигал капитал Уолдо. Но позвольте мне подойти к делу с другой стороны. Я кратко изложу основу всего дела. Жена более или менее зависит от воли мужа, при прочих равных условиях, конечно. Однако брачный договор подчиняет и мужа воле жены, так сказать, надевает правый башмак на левую ногу. Так вот, мы приходим к выводу, что каждый из партнеров в браке, взятый по отдельности, подчиняется воле другого. Но если вы позволите мне говорить откровенно, в современном обществе от жены зависит придумать, ввести и употребить такие методы, способы и средства оболъщения, чтобы ее супруг, состоя с ней в браке, по собственной воле и желанию передал бы ей, скажем, некую сумму в дар одновременно или же передал бы ей эти суммы одновременно, частями. Таким образом, как вы, без сомнения, уяснили себе, миссис Мердок, нормальная жена, если говорить прямо, воздействуя на супруга лаской, в большинстве случаев получает значительную часть его движимости, недвижимости и доходов, иногда, если судить по существующим нормам, намного превышающую по своей ценности те услуги...

— Нет!— упрямо ответила Десси.

Бланшар откашлялся и прикусил нижнюю губу.

— В конце концов, может быть, лучше всего, чтобы судья сам назначил сумму, которую вы могли бы получить с вашего мужа,— устало сказал он.— Боюсь, что в этом отношении я почти ничем не смогу вам помочь. Тем не менее я могу подать прошение о разводе, а дело об алиментах можно будет начать своим порядком.

— А когда же мне поговорить с судьей насчет получения денег? — спросила Десси.— Завтра утром, что ли?

— Боюсь, что не так скоро,— ответил Бланшар, качая головой.— Ваше дело вряд ли будет назначено к слушанию до ближайшей судебной сессии, будущей осенью.

— Будущей осенью!— воскликнула Десси.

Бланшар кивнул.

— Неужто ждать столько времени!— возмутилась Десси.— Да ведь Мердок задолго до того спустит все наследство до последнего пенни. Ничего не останется, мне и судиться-то будет не из-за чего!

— Ну тогда я, право, не знаю, что тут можно сделать. Срок судебной сессии устанавливается законом.

Вдруг боковая дверь распахнулась, и, обернувшись, они увидели, что на пороге стоит Уолдо, щурясь от яркого света. Дав глазам привыкнуть, он ввалился в комнату и подошел к свободному стулу между Десси и Бланшаром.

— Как поживаете, Торнтон?— сказал Уолдо, крепко пожимая руку Бланшара. Он долго тряс ее.

— Прекрасно,— с запинкой ответил Бланшар и взглянул на Десси. Она уставилась на Уолдо.— Прекрасно,— повторил он.

Уолдо уселся.

— Я было хотел нынче повидать вас насчет одного дельца, а потом передумал. Теперь уж не надо.

— Ну что ж, я очень рад, что вы уладили дело без посторонней помощи,— сказал Бланшар, спотыкаясь на каждом слове.

— Решил, что не стоит с этим возиться, взял да и бросил,— сказал Уолдо.

— Вот и отлично,— отвечал Бланшар, недоумевая в чем дело.

Уолдо развалился на стуле.

— Хотел сообразить, как бы это так сделать, чтобы и время весело провести и чтобы деньги были целы. А потом сообразил, что ничего не выйдет. Так что я решил развязаться с этим делом.

Десси была готова сорваться со стула, когда Уолдо сунул руку в карман и швырнул ей через стол толстую пачку долларов. Туго перевязанная пачка упала ей на колени.

С минуту Десси смотрела так, словно не могла понять, что такое случилось. Потом глаза у нее стали таращиться все больше и больше, и, переведя взгляд на свои колени, она изумленно уставилась на деньги.

— Уолдо,— начала она и всхлипнула.

Слезы потекли у нее по щекам, а Уолдо беспокойно заворочался на стуле. Он понурил голову и то и дело поглядывал на Десси исподлобья.

— Уолдо,— опять начала она, но не могла продолжать.

Уолдо вытер губы тыльной стороной ладони.

— Я подумал, что человеку вроде меня, у которого в голове винтиков нехватает, нельзя давать в руки такие большие деньги,— сказал он, все не поднимая головы.— Вот я и решил, что ничего другого не остается, как совсем развязаться с этими деньгами.— Он перевел взгляд с Десси на Бланшара.

— Мне легче будет, когда я с ними совсем развяжусь, отдам все триста пятьдесят долларов.

Десси вскочила на ноги, опрокинув стул, и подбежала к Уолдо. Она опустилась перед ним на колени и обняла его.

— Уолдо... эта учительница...

— Я и знал, что нельзя, да не мог устоять,— сказал он, покосившись на Бланшара.— И не устоял бы, если бы она не попросила, чтоб я дал ей эти деньги хоть понести.

Он ласково посмотрел на Десси.

— Уолдо,— сказала она, еле дыша,— мне полезно было копать землю за сараем.— Она подняла на него глаза.— Мне это очень помогло.

Бланшар потихоньку отодвинул свой стул, схватил блокнот с карандашом и выбрался из-за стола. Он успел дойти почти до двери, как вдруг

на кухне кто-то запел. Он остановился, прислушиваясь, и в эту минуту Десси тоже услышала пение. Она подняла голову и насторожилась. Это Джустина запела во весь голос. До сих пор она никогда так не пела, даже днем.

Десси встала и подошла к кухонной двери. Распахнув ее настежь, она отступила назад.

— Поди сюда, Джустина,— позвала она.

Джустина медленно прошла мимо Десси и остановилась возле стола. Она вся дрожала, боясь, что ее будут бранить за то, что она так громко поет в такое позднее время. Десси тоже подошла за ней к столу.

— Ты что мне говорила нынче утром, Джустина, будто тебе незачем торопиться со свадьбой?

Джустина крепко сжала руки.

— Да, нынче утром я вам так сказала, миссис Мердок,— ответила Джустина после некоторого колебания. Она быстро оглянулась на Уолдо и Бланшара.— Но только...

Десси кивнула.

— Тебе меня не провести, Джустина, раз я слышу такое пение, как минуту назад,— сказала она.— Я думаю, самое лучшее вам с Карлом Френдом, не откладывая дольше, поехать и купить эту мебель, о которой ты мне рассказывала нынче утром.

Она передала Джустине пачку долларов и, обойдя кругом стола, подошла к стулу, на котором сидел Уолдо. Джустина, зажав доллары в руке, глядела на них, все еще не веря, что они настоящие.

— Спасибо вам, миссис Мердок!— сказала она, и слезы потекли у нее по щекам.— А почему вы узнали?

— Не твое дело, Джустина,— отрезала Десси.

Джустина попятилась к дверям кухни.

— Прежде всего эти деньги не для нас были предназначены,— сказал Уолдо.— Мы бы с ними все равно не сумели управиться, даже если б нам помогал самый ловкий адвокат.

Десси упала на колени перед Уолдо и опять обхватила его руками. Оба они оглянулись на дверь, возле которой стоял Бланшар.

Не говоря ни слова, тот повернулся, быстро открыл дверь и вышел в ночную темноту.

В ГУЩЕ ЛЮДСКОЙ

Перевод с английского Н. Волжиной

*Мне очень тяжело, что этот
рассказ увидит свет.
Но я не мог не написать его.*

Джек Миллер работал в Компании городского трамвая. У Джека был серебряный значок, золотой значок, маленький бронзовый трамвай на цепочке карманных часов и оловянный жетон с цифрой 7, почти стершейся. Он работал по ремонту путей двадцать шесть лет, и однажды ему сказали в Компании, что когда он уйдет на покой, пенсия у него будет приличная.